

Наталья Муравенко

ЯЗЫК И ИДЕАЛЬНАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ СМЫСЛОВ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Проблема существования объективно-идеальных предметностей имеет огромное значение для обоснования научного знания, по крайней мере, в рамках классической гносеологической парадигмы [9]. Для последней характерно стремление познать объективную истину как таковую в ее непосредственном самоприсутствии. Возможность достижения этого намерения считается вполне осуществимой силами человеческого разума. Выделяется некая *третья область автономных идеальных объектов* (Б. Больцано, Г. Фреге, Э. Гуссерль, Н. Гартман, К. Поппер и др.), не совпадающая ни с окружающим нас миром объективных вещей, ни с психическими образованиями. Познающий субъект лишь обнаруживает уже существующие истины в процессе познания. Мышление и язык – лишь посредники, абсолютно прозрачные средства, презентующие нам познаваемые истины, которые существуют независимо от того, познает ли их кто-либо или нет. Такое гипостазирование объективных смыслов влекло за собой, конечно, обвинения в «платонизме». Тем не менее, представители классической философской традиции (Б. Больцано [1], Г. Фреге [10; 11], Э. Гуссерль периода 1-го тома «Логических исследований» [4] и др.) шли на этот шаг гипостазирования, считая его *единственной возможностью* сохранить объективный характер познаваемых истин.

Основная проблема статьи – вопрос о наличии идеального содержания знания (как условия феномена науки) в его решении Э. Гуссерлем. Цель статьи – показать возможности решения проблемы идеальности объективного смысла на современном этапе развития философии, а также указать на связь решения данной проблемы с проблемой языка. Для осуществления поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть оригинальный вариант обоснования объективности смыслов и их способа бытия, разработанный Гуссерлем в рамках феноменологии; выяснить, существуют ли смыслы как идеальные предметности, определенным образом сформулированные в языке, или как особый слой доязыковых образований;
- определить, играет ли язык *принципиальную* роль в конституировании смысла как объективного образования, или он является просто внешним выражением сформированного уже на доязыковом уровне смысла.

Исходные положения сформулированы на основании изучения исследовательских работ в области феноменологии отечественных и зарубежных философов: К. Бакрадзе, В. Бимеля, Е. Гурко, Ж. Деррида, А. Михайлова, В. Молчанова, Н. Мотрошиловой, К. Свасьяна, Я. Слинина, М. Хайдеггера, М. Шелера и др.

Определение научного знания как носящего объективно-логический, идеальный характер имеет в виду, что его содержание (связанное с определенным предметом и областью познания) всегда *одно и то же* независимо от того, кто бы и когда бы ни осуществлял это познание. Возможность *воспроизведения* содержания, смысла, постижение его как *того же самого* различными субъектами (или одним и тем же субъектом в разное время и при различных обстоятельствах) делает этот смысл объективным образованием, то есть доступным всем, осуществляющим определенное познание. Если бы познаваемые человеком смыслы порождались им во время акта познания, они были бы ограничены определенной фактичностью (конкретный субъект познания, место и время его осуществления), эмпирически нагружены, что не позволило бы им претендовать на статус абсолютно объективного знания. Если мы утверждаем наличие объективного научного знания (а оно имеет место, по крайней мере, с точки зрения классической философской традиции), то мы должны признать возможность и необходимость наличия идеальных смыслов (идеальный характер носит не только содержание научного знания, это касается и других культурных образований, в том числе и языка [6, с. 215]).

Ответ Гуссерля на данный вопрос (в первом исследовании 2-го тома «Логических исследований» – «Выражение и значение»), отличен от «классического» способа его решения. Здесь появляется тема выражения: чтобы полученное знание могло стать достоянием науки, оно должно быть высказано, получить выражение в языке. «Наука возможна лишь тогда, когда результаты мысли могут сохраняться в форме знания, когда эти результаты приняли форму системы высказываний и их можно применять для дальнейшего мышления...» [3, с. 141].

Поскольку смысл, содержание знания фиксируется в выражениях, обретает в языке свою «плоть», постольку мы не можем, говоря о смысле, не касаться темы языка и выражения. Гуссерль определяет выражение как «знак, *обладающий значением*» [5, с. 41], т. е. смыслом¹. Выражение (или экспрессивный знак) он отличает от знака-метки, знака-признака (индикативного знака), который лишь указывает на что-то, но не обозначает это что-то, не выражает его смысл. «Каждый знак есть знак чего-либо, однако не каждый имеет некоторое «значение», некоторый «смысл», который *«выражен»* посредством знака» [5, с. 35]. Обозначение в смысле «придания значения» характерно как раз для выражения, а не

для указания². Каким же образом осуществляется это придание значения? Чтобы определенный звуковой комплекс (или письменно зафиксированное слово) превратился из простого набора звуков (из просто наглядного представления, данного как внешнее восприятие) в осмысленное выражение, должен иметь место акт придания (интенции) значения, который осуществляет говорящий, или даже только мыслящий, субъект (даже, как говорит Гуссерль, «в одиночестве душевной жизни» выражениям присущи их значения, те же самые, что и в общении). Без этого акта интенции значения набор звуков так и остался бы пустым, ничего не выражающим, ничего не значащим набором звуков. Иногда, наряду с актами интенции значения, имеют место еще и акты осуществления значения, дающие выражению созерцательную полноту³. Акты осуществления значения играют решающую роль для реализации отношения к предметности, что принципиально в научной сфере. Но то, что делает выражение собственно выражением, – это именно акты интенции значения. Таким образом, **мы не можем обнаружить смыслы сами по себе как уже существующие, мы можем их лишь конституировать в актах смыслополагания** и, соответственно, можем обнаружить эти смыслы только при этих актах интенции значения: «...значение заключено в типологическом свойстве смыслопридающего акта...» [5, с. 71].

Но ведь эти акты осуществляет всегда конкретный человек в реальном психическом процессе. Не будет ли это смыслополагание, осуществляемое познающим субъектом, возвратом к психологизму, от которого Гуссерль так старательно пытался избавиться? Конечно, Гуссерль отрицает подобные предположения, заявляя, что логика интересуется лишь идеальными образованиями, а не актуально протекающими психическими процессами. И выражение, и значение (смысл) являются идеальными образованиями, что обнаруживается без особого труда: под выражением не имеется в виду *hic et nunc* произнесенный звуковой комплекс, который больше никогда не может быть повторен. Выражение, скажем, *квадратичный остаток*, **тождественно**, независимо от того, кто и когда бы его ни произносил. То же касается и значения, смысла этого выражения: под значением не имеется в виду конкретное переживание, придающее значение. Значением является то тождественное (содержание), которое воспроизводится всякий раз при произнесении высказывания, выражающего это значение. Именно *воспроизведение* высказывания является формой выражения тождественного, которое называется его значением [5, с. 52]. Всякий раз при воспроизведении высказывания мы можем привести к очевидности сознания значение именно как *тождественное*. И в этом, полагает Гуссерль, не обнаруживается ничего, что касалось бы акта суждения и судящего. Но даже если в актуальных

актах реализуются идеальные образования, и они конституируют всегда тождественное содержание, все равно будет присутствовать субъективный момент. Где же искать опору тождественности идеальных образований?

Гуссерль (уже начиная с 1-го тома «ЛИ») часто поднимает вопрос о том, *как субъективная очевидность смысла может стать объективной и интерсубъективной* [6, с. 216]. Ответ на этот вопрос очень важен, поскольку смысл только тогда становится достоянием культуры и истории (а не отдельного индивида – первооткрывателя этого смысла), когда он приобретает характер абсолютного, т. е. идеального объекта.

Как уже отмечалось выше, научные истины выражаются в языке и *только* в таком виде становятся всеобщим достоянием. Здесь на первый план выходит проблема соотношения языкового выражения и выражаемого им смысла. Гуссерль подчеркивает различие между физической стороной выражения (акустическим или графическим знаком) и его содержанием, смыслом. «Теорема Пифагора, вся геометрия существует лишь один раз, как бы часто и даже на каких бы языках ее ни выражали... Тематическое, то, о чем сказано (его смысл), где бы оно ни было высказано, отличается от высказывания, которое само во время высказывания никогда не бывает и не может быть темой» [6, с. 215–216]. На основании гуссерлевского различия языкового высказывания и его содержания можно предположить существование определенного языкового слоя, который затем находит свое выражение в языке. Гуссерль на самом деле признает наличие языкового слоя смысла: было бы абсурдно, если бы смысл не предшествовал языковому акту, *чья собственная ценность всегда заключается в выражении* [7, с. 79]. Это утверждение, однако, опасно вытекающими из него следствиями⁴.

Значит, сознание конституирует смысл независимо от его последующего воплощения в языке? В «Идеях I» Гуссерль подробно рассматривает вопросы конституирования смысла вне его языкового воплощения; проблема выражения упоминается лишь мельком. Наделение смыслом осуществляется, говорили мы, благодаря актам интенции значения. Но что же, собственно, наделяется смыслом при осуществлении смыслополагающих актов? Гуссерль говорит о необходимости созерцательного фундамента, неких чувственных (*гилетических, материальных*) данных, оформляя которые сознание может конституировать их смысл. «Чувственные данные даются в качестве материалов для интенционального формирования или наделения смыслом на различных ступенях...» [3, с. 188]. Здесь уместно упомянуть об определяющей роли «принципа всех принципов» в феноменологии [3, с. 60]: изначально дающее созерцание есть правомочный источник познания; все, что нам дается в этом изначально

созерцании, мы должны просто принять как таковое (не сомневаясь в истинности созерцаемого), ведь оно является самоданностью; но принимать, безусловно, в тех границах, в каких оно нам дается. Всегда ли для осуществления интенционального формирования, для наделения смыслом необходимо наличие гилетического слоя? Как быть, например, с логическими, математическими и т. п. истинами, положениями вещей? Нужны ли и в этом случае гилетические данные для формирования смысла? И что для «умопостигаемых» объектов может быть такими чувственными данными? Ведь ясно, что ими не будут данные цвета, вкуса, запаха и т. п., как в случае с «рецептивными» объектами (такими как, скажем, «дерево»). Будут ли созерцательной основой, на которой сознание может конституировать смысл (в этой ситуации), сами чувственные знаки, например, их графическое изображение или звучание? Гуссерль оставляет этот вопрос открытым: «...мы оставляем пока без ответа и вопрос о том, могут ли существенно конституирующие интенциональность характерные свойства обладать конкрецией без сенсуальной подкладки» [3, с. 188].

Если рассмотреть случай (нередкий, особенно в науке), когда выражение понято, но ему не соответствует никакое оживляющее созерцание, мы обнаружим следующее: «посредством первого схватывания возникает явление просто знака как здесь и теперь данного физического объекта (например, звучание слова). Это первое схватывание фундирует, однако, второе, которое совершенно выходит за пределы пережитого материала ощущений и более не находит в нем свой аналогичный строительный материал для теперь подразумеваемой и всецело новой предметности. Эта последняя подразумевается новым актом придания значения, однако она не предъявлена в ощущении» [5, с. 80]. Мы видим, что действительно *сам знак*, звучащее (графически изображенное) слово есть тот чувственный материал, опираясь на который сознание «мнит» предметность посредством акта придания значения. При этом совершенно не важно, что эта «подразумеваемая» предметность не может созерцаться. *«Придание значения, характерное свойство выражающего знака, предполагает как раз знак, в отношении которого оно является приданием значения. Или, говоря чисто феноменологически: придание значения есть так-то и так-то окрашенное типологическое свойство акта, который предполагает в качестве необходимого фундамента акт наглядного представления. В последнем выражение конституируется как физический объект. Выражением в полном и собственном смысле оно становится лишь благодаря фундированному акту»* (курсив наш. – *Н. М.*) [5, с. 80]. Итак, в случае абсолютно идеальных предметностей (чисто символических

выражений), сам знак, выражение как физический объект, выступает, во-первых, в роли необходимого для конституирования смысла чувственного материала, и, во-вторых, в роли фундирующего созерцания. Таким образом, «принцип всех принципов» сохраняет свою значимость и в отношении абсолютных идеальностей. Но тогда получается, что акт придания значения, и, соответственно, само значение, находящееся при этом акте, неразрывно связаны с физической стороной выражения. И Гуссерль действительно об этом прямо говорит: «Звучание слова *с самого начала* объединено с интенцией значения» (курсив наш. – Н. М.) [5, с. 48]. Как же согласовать это утверждение с другим тезисом – о существовании *доязыкового* слоя смыслов? Ведь если подразумеваемая предметность не может быть реализована в созерцании (как в случае абсолютно идеальных объектов), тогда конституируемый смысл может быть дан только в языковой форме, а значит, он будет непосредственно связан с физической стороной выражения. Однако Гуссерль полагает, что «самой по себе необходимой связи между идеальными единствами, которые фактически функционируют как значения, и знаками, к которым они привязаны, т. е. знаками, посредством которых они реализуются в человеческой душевной жизни, не существует» [5, с. 104]. Тем самым четко фиксируется наличие *доязыкового, предвыразительного* слоя значений. Вероятно, когда Гуссерль говорит о связи (интенции) значения со звучанием слова, для него важно, что именно *звучание слова* объединено с интенцией значения, а не наоборот: интенция значения может осуществляться и на доязыковом уровне, но после реализации акта выражения звучащее слово оказывается объединенным с этой интенцией значения. Гуссерль это демонстрирует так: «Пусть... здесь присутствует предмет, с определенным смыслом... Мы – как это нормальным образом и происходит, без запинок присоединяясь к первому, простому схватыванию восприятия – осуществим экспликацию данного и сопрягающее отождествление вычлененных частей или моментов, – скажем, по схеме «Это – белое». Такой процесс не требует ни малейшего “выражения” – ни выражения в смысле гласящих слов, ни выражения в смысле, сколь-нибудь подобном словесному означиванию...» [3, с. 269]. Итак, на основании данных восприятия нам дан посредством смысла определенный предмет, пока *никак не названный*, но уже структурированный по схеме. Далее, «...если только мы “*помыслили*” или *высказали* – “Это – белое”, – вместе с тем возник новый слой, нераздельный с “подразумеваемым как таковым” чисто по мере восприятия... Любое “подразумеваемое как таковое” – любое мнение в ноэматическом смысле (а притом как ноэматическое ядро) любого акта *выразимо посредством “значений”*» [3, с. 269]. Таким

образом, как только мы помыслили в языковой форме или же высказали изначально вне языка сконституированный смысл, он оказывается уже нераздельно связанным со своей языковой формой. Важно, что, будучи даже только помысленным в языковой форме, этот новый слой выражающего значения уже окажется неразрывно сплетенным с изначально воспринятым выражаемым. «...после абстрагирования от чувственного слоя гласящих слов в наличии действительно остается еще одно наложение такого же вида...» [3, с. 271]. При этом выражение – не нечто внешнее по отношению к выражаемому; сплетаясь с ним, оно представляет собой его необходимую составляющую. Ведь именно благодаря наличию физической составляющей выражение оказывается фундированным и становится выражением в полном и собственном смысле. Выражение – «это не нанесенный сверху лак и не напыленное сверху платье; это – духовное формование, какое исполняет в интенциональном нижнем слое новые интенциональные функции и испытывает на себе ее коррелятивно интенциональные функции» [3, с. 271]. Итак, после «воплощения» смысла в языке, первый оказывается неразрывно связанным со своим языковым выражением, которое, к тому же, оказывает формирующее действие на данный выражаемый смысл. Более того, идеальность достигает своей объективности только «*посредством языка, в котором она обретает, так сказать, свою языковую плоть*» [6, с. 216].

Но если абсолютно идеальные объекты оказываются непосредственно связанными со своим выражением, то, похоже, мы «спускаемся» на уровень фактического языка, от которого с таким усилием пытались оторваться, чтобы достичь желанной абсолютной идеальной объективности научных истин. Или же нужно признать наличие некоего *чистого*, априорного языка вообще⁵, позволяющего удержать эти истины на уровне их абсолютной идеальности. Будет ли это действительно возврат к фактическому языку? Нет. Благодаря тому, что абсолютно идеальные объекты представляют собой исключительно «единство собственного смысла» [7, с. 88] (не отсылают ни к какой рецептивной предметности), мы приходим к объективности языка, свободной от всякой связи с реальностью. «Само по себе преодоление «*сцепленной*» идеальности... есть редукция, обнаруживающая независимость истины по отношению ко всякой фактической культуре и всякому фактическому языку вообще ...чтобы обнажить зависимость юридическую и трансцендентальную» [7, с. 90]. В этой связи Деррида говорит о так называемом *конституирующем* или *трансцендентальном* языке, который «“конститутивен” по отношению к идеальной объективности и в какой он не смешивается в своей чистой возможности ни с каким эмпирически-фактическим языком» [7, с. 92, примеч.]. У Гуссерля мы не встречаем

этих понятий, но их можно эксплицировать: «конституирующий» язык выступает у Гуссерля как «общий язык», принадлежащий «горизонту человечества». *«Человечество предполагается заранее как непосредственное и опосредованное языковое сообщество... и в этом сообществе каждый может обсуждать как объективно существующее то, что налично в окружении его человеческого мира. Все имеет свои имена или называется в каком-то более широком смысле, то есть может быть выражено в языке»* (курсив наш. – Н. М.) [6, с. 218]. Поскольку Гуссерль не говорит о каком-то определенном фактическом человечестве (сказанное им относится к любому исторически существовавшему или будущему сообществу), то его утверждения относятся к человечеству и языку *вообще*, значит, являются их сущностной характеристикой. Это и позволяет Деррида говорить о некоем изначальном языке как *чистой возможности выражения*.

Но говорящий субъект (сообщество субъектов) не обеспечивает еще полную объективность идеального смысла. «Не хватает *устойчивого существования* «идеальных предметов»... даже если его никто с очевидностью и не осуществил» [6, с. 220]. Что же дает идеальным объектам «устойчивое существование»? Письменно зафиксированные языковые выражения, полагает Гуссерль. Письменное выражение есть «виртуальное сообщение», не требующее непосредственного или опосредованного личного контакта [6, с. 220]. Благодаря возможности письма обеспечивается чистота отношений абсолютной идеальной объективности с универсальной трансцендентальной субъективностью. Без этой окончательной объективации в письме любой язык так и остался бы связанным с наличной интенциональностью определенного говорящего субъекта (сообщества субъектов). Пока истину нельзя сказать и написать, настаивает Гуссерль, она не может быть *полностью объективной*, т. е. доступной всем и всегда.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, проблема существования идеальных предметностей остается актуальной и на современном этапе развития философии. Вариант же ее решения в русле современных исследований (феноменологических, в частности) отличается от «классического». Идеальные предметности не помещаются в *неопределенную автономную область*. Способ их бытия связывается с конституирующей деятельностью трансцендентального субъекта. Во-вторых, проблема объективности идеальных предметностей напрямую связана с проблемой языка: только будучи выраженными в языке, научные истины могут стать объективным достоянием, в любое время доступным познанию и дальнейшей исследовательской деятельности. Гуссерль, правда, настаивает на наличии доязыкового слоя смысла, который конституируется сознанием без необходимой связи с

языком. Эта ситуация, однако, не универсальна: в случае чисто символически функционирующих выражений, где предмет высказывания не реализуется в созерцании, связь смысла с физической стороной выражения является, видимо, неразрывной. Ведь именно выражение как физический знак в подобных случаях выступает необходимой чувственной основой и фундирующим созерцанием. При этом, конечно, нужно помнить, что имеется в виду «чистый» конституирующий, а не фактический язык. В-третьих, выражение не является чем-то внешним по отношению к выражаемому смыслу. После того, как мы, хотя бы только мысленно, *высказали* смысл, он оказывается неразрывно связанным со своей языковой конкретизацией, причем последняя участвует в формировании (путем оформления и, тем самым, уточнения) смысла. Таким образом, можно говорить о том, что язык играет принципиальную роль в формировании смысла как объективного образования.

Примечания

¹ Понятия «смысл», «значение», «содержание» Гуссерль употребляет синонимически, но Ж. Деррида отмечает, что «значение предназначается для идеального смысла вербального выражения, разговорного языка, в то время как смысл покрывает всю нозматическую сферу вплоть до ее невыразимого слоя» [8, с. 31].

² Ж. Деррида полагает, что Гуссерлю не удалось осуществить важное для него разделение знаков на экспрессивные и индикативные, разделение, собственно, на знаки и не-знаки, поскольку любой экспрессивный знак всегда вовлечен указательной системой. Это разделение, считает Деррида, может быть функциональным или интенциональным, но не сущностным [8, с. 32–33]. Это дает возможность Деррида отождествить письменный знак (индикативный) со знаком как таковым.

³ Эти два рода актов Гуссерль определяет так: «...с одной стороны, те, которые *существенны* для выражения, поскольку оно вообще еще должно быть выражением, т.е. звучанием слова, которое наделено смыслом. Эти акты мы называем актами, *придающими значение*. С другой стороны, акты, которые *осуществляют* его [выражения. – Н. М.] интенцию значения в большей или меньшей соразмерности... и при этом как раз актуализируют его предметное отношение. Эти акты, которые в познании и осуществлении слиты воедино с актами придания значения, мы называем *актами осуществления значения*» [5, с. 48].

⁴ Если смыслы существуют независимо от языка, то язык можно рассматривать просто как инструмент, средство выражения этих смыслов, т.е. роль языка сводится просто к сообщению мыслимого. Но если язык превращается лишь в посредника, в средство сообщения, то слово и значение (содержание) отрываются друг от друга настолько, что слова превращаются в пустые знаки сообщаемого; слово кажется случайным, а его соответствие предмету или выражаемому им значению произвольным. Деррида тоже волнует этот вопрос: не будет ли в этом случае языковое воплощение внешне бытийному смыслу идеальной объективности? не

«приводит» ли оно к смыслу каким-то довеском? Тогда можно было бы сказать, что идеальная объективность как таковая во всей полноте конституируется *до* и *независимо* от своего воплощения, точнее *воплощаемости* [7, с. 112]. В этой связи неизбежно возникает вопрос о соответствии сообщения истине: ведь если слова лишь посредники мыслимого, то положения вещей могут быть выражены тем или иным образом, каждый из которых не имеет преимуществ по отношению к другому. Для Гуссерля решение этой проблемы очень важно, поскольку истинность объективных идеальных образований, существующих до языка, имеет принципиальное значение (ведь речь идет о научных истинах). (См.: [12; 13]).

⁵ Данной теме Гуссерль уделяет особое внимание, в частности, в 4-ом исследовании 2-го тома «ЛИ».

1. Больцано Б. Наукоучение. Опыт обстоятельного, большей частью нового изложения логики с постоянным вниманием к прежним авторам. // Больцано Б. Учение о науке. – СПб.: Наука, 2003. – С. 51–468. (Сер. «Слово о сущем»).
2. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. – 566 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 336 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике. – К.: Вентури, 1995. – 256 с.
5. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.3 (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 471 с.
6. Гуссерль Э. Начало геометрии / Введ. Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 1996. – 267 с.
7. Деррида Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии. – М.: Ad Marginem, 1996. – с. 9–209.
8. Деррида Ж. Голос и феномен. – СПб: «Алетейя», 1999. – 208 с.
9. Сокулер З. А. Э. Гуссерль о геометрической традиции: к смене парадигм в теории познания // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phnauk5/sokuler.htm>
10. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – 1977. – С. 181–210.
11. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 18–47.
12. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. – М.– СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
13. Wischke M. Die „Sprache der Dinge“. Adorno über Kultur, Begriffe und Rhetorik // Интегративная антропология. Международный междико-философский журнал. – Одеса, 2004. – № 1 (3). – С. 10–20.